

— Опять завыл... Точно он, не ошибёшься... Но не может ведь этого быть... Не может, не может...

Лунный свет пробивается в неплотно задернутое окно, холодный, ночной, он леденит душу, как волчий вой. И силы нет встать и задернуть тряпичную занавеску...

А может, и не было никакого воя? От одиночества что угодно может почудиться... Нет, одиночества он не боится, он любит одиночество...

Изба родительская ещё крепка, печь натоплена жарко. Запас картошки, капусты и прочей овощи в подполье имеется. Даже телевизор у него есть. Но не хочется и смотреть-то. Чего он там не видел? Надоело... До весны будет один, в апреле соседи-дачники приедут. Да ещё Колька-скупщик на следующей неделе должен заехать, до большака-то придётся к нему на лыжах идти...

Опять завыл. Нет, не почудилось — вон сучка в конуре на улице заскулила.

— Ничего, небось не сунется!..

Волохов всё же поднялся. Сунул ноги в растоптанные валенки, накинул фуфайку, шапку на голову приткнул, вышел на мост, соединяющий избу с двором и повестью (он не стал по примеру многих соседей разбирать двор на дрова), спустился на крыльцо... Морозом перехватило дых...

Тишина, какой никогда не бывает в городе, — полная тишина. В чёрном небе холодная россыпь звёзд и луна, разливающая свет на ночной мир — на тёмные дома деревеньки, белую равнину луга, зарастающего уже кустами, близкий чёрно-белый лес...

— Чужа! — негромко позвал Волохов. Собака, брякнув цепью, лишь высунула из конуры нос.

Он пошёл к ней по скрипкому снегу.

— Чужа, ко мне! — собака метнулась под ноги, засучила хвостом.

Хорошая у него лайка, рабочая. Присел перед ней, взял руками голову, в глаза заглянул:

— Страшно тебе, страшно... — И собака заскулила, отвела глаза, поджала хвост.

— Ну, пошли, — отстегнул цепь, впустил в дом. В избу не взял (нечего собаке в людском жильё делать), на мосту оставил. Вынес ей похлёбку из белок. И собака, погремя миской, утихла за дверью.

Дмитрий ЕРМАКОВ*

г. Вологда

Распяленные шкурки белок сохнут у печки, ещё ворох уже выделанных висит на стене, тут же и несколько кунных шкурок благородным серебром отливают...

Ночь Волохов промаялся, утром, сразу зарядив один ствол пулей, а второй дробью, пошёл в лес.

Лыжи хорошо по старой лыжне скользят. Чужа бежит рядом, не работает... И понятно почему — вон ровной строчкой волчий след.

Волохов склонился над следом... Лапа ещё больше стала — сантиметров двенадцать в длину и девять в ширину. Это уже от старости, раньше-то он лапу в комке держал. Уже не матёрый, а дряхлый... «Нет, не может быть... Сорок лет. Сорок лет...»

Вот здесь он стоял, подняв морду на луну, выл. «Что же тебе ещё надо от меня?! Чего хочешь? Собаку сожрать? Меня убить? Ну, попробуй...»

Никто не откликнулся на вой Серого в эту ночь, как и в прошлую. Некому. Неделию назад всю стаю, всех четырнадцать, положили городские охотники в заречном лесу... Серый давно одиночка, но держался вблизи стаи, кормился тем, что оставляли ему сородичи. После того как в позапрошлую зиму сохатый копытом пробил ему грудь, он уже вовсе не мог охотиться, обходился падалью, пробовал мышковать...

Вдоль следа Волохов прошёл в лес... Не сразу вспомнил и понял, что лес этот и есть та самая «большая выгорода», в которой в то давнее лето он пас стадо. Он резко свернул, ушёл от старого следа. Наст хорошо держал, шлось легко. Лишь через несколько километров Чужа облаяла белку, которую Волохов взял легко — глаз у него зоркий и рука крепкая. Потом и вторую белку взяли, и третью...

И вечером, сидя у печного огня, он думал о том, что, конечно, это не тот волк... Просто крупный старый волчара остался без стаи...

Вспоминалось давнее. Был он тогда просто Мишкой. Жил тут, вот в этом доме, с матерью и старшей сестрой. Отца он почти не помнил, тот рано умер, так и не оправившись от фронтовых ран. Голодно жили, потом получше, но всё равно тяжело... Сестра уехала учиться в город и больше уже не вернулась в деревню, мать

ломил на ферме. Он, как мог, помогал. Окончил среднюю школу и тоже пошёл в колхоз — разнорабочим.

Было ему в то лето восемнадцать. Запил колхозный «гуртоправ» (так писалось почему-то в документах, а попросту — пастух). Вот его, Мишку Волохова, и нарядил председатель: тебе, мол, это дело знакомо. Пастух Матвей Иванович жил в соседнем доме и, бывало, брал Мишку с собой подпаском.

В те дни неподалёку встал табор. Давно уж не бывало цыган в их краях — появились... Как-то днём в выгороду, огороженный забором кусок леса, где паслось стадо, приехал на лошади цыган...

И договорились они... Хорошие деньги цыган предложил. Мишка не отказался.

Мать из последних сил вкальвает, сестре в город отправляет деньги, продукты. «Я всю жизнь в навозе, пусть хоть дочь по-человечьи поживёт», — говорит она. Мишке обидно — ему тоже хочется «по-человечьи». Но нет, он не о себе, о матери думает (сам себя так уговаривал — помогу, мол, матери). А когда получил от цыгана деньги, так и не отдал ей, но и потратить не сумел, не придумал даже, на что потратить...

Так всё сделали цыгане, что все и поверили, будто двух коров волки задрали («обглоданные» кости были тому подтверждением). Только удивлялись, что летом.

Устроили местные охотники облаву. Нашли в округе три логова.

Мишка Волохов тоже в охоте участвовал — старая отцова одностволка в доме была. Он-то и выстрелил, когда метнулась из-под выворотня серая тень. Волчица с визгом закрутилась на траве, будто пытаясь укунить себя за хвост. И замерла.

В норе нашли четверых волчат...

Серый возвращался с охоты. В лесу было опасно. Запах человека (страшный для любого зверя) чувствовался везде. Уже несколько раз слышал Серый вдалеке гром выстрелов. Но надо было кормить волчицу и волчат — и своё волчье дело он совершил. поймал и придавил зайца. В зубах нёс добычу к логову. И чем ближе — тем сильнее этот опасный человеческий запах. Он уже непереносим! И Серый ушёл бы,

спрятался бы, если бы... Он оставил добычу в траве и осторожно пошёл к логову... Запах человека и запах крови, волчьей крови, оглушал.

Не было волчат, не было волчицы... Серый остался один.

Цыгана в райцентре на рынке с мясом взяли (всё-таки не поверили участковый и опытные охотники в волчье нападение). Цыган сразу и пастуха сдал, у которого купил колхозных коров. Дали Мишке Волохову пять лет.

С волками жить — по-волчьи выть: блатные волчьи повадки он крепко усвоил за те годы.

В ту зиму волки, собравшись в стаю, бродили вокруг деревни, сожрали почти всех дворян. Люди опасались на лошадях за деревню ездить. Снова облаву устроили. Ушёл за флажки только матёрый жоак. С тех пор волков у деревни долго не видели.

Через пять лет Волохов вернулся домой (решил всё-таки с волчьей жизнью завязать). Снова в колхоз устроился. Зимой поехал к дальним стогам... Вилами стожок в розвальни перекидал, верёвкой стянул, сам сбоку прилачился. Понукнул лошадку. Темнело уже, но дорога была хорошо известна и ему, и лошади. Волков давно в округе повывели...

Волохов знал, что нападают они стаями... Этот был один — огромный серый хищник. Выскочив откуда-то сбоку, сразу нырнул под лошадь. И она пала, и потроха, вывалившиеся на снег, дымились.

Волохов кинул в волка топор. Мимо. Взял наизготовку вилы. Волк стоял, смотрел безжалостными жёлтыми глазами. И вдруг закинул голову и завыл. Ему отозвались. И вскоре стая в десяток голов рвала на глазах Волохова мёртвую лошадь.

Он бежал по санной дороге двенадцать вёрст, отступаясь, падая, проваливаясь под наст... И в ушах стоял тот вой... И от боли и бессилия Волохов и сам выл...

Он уехал в город, там встретил лагерных приятелей, и закружила его опасная весёлая жизнь. Через год снова сел. Теперь уже на десять лет. От звонка до звонка отбыл.

Освободившись, в деревню уже не поехал (мать к тому времени умерла), но и с прежни-

ми друзьями-приятелями завязал. Первое время перебивался на разных работах — рыл канавы, разгружал вагоны. Не по нему это было. Но и работать на заводе, опять же «от звонка до звонка», — не хотел. Приятель позвал — и он устроился работать в пожарную охрану, сутки через трое. А в свободные от дежурств дни стал ездить на охоту. Каждый год брал лицензию на лося (да случалось и без лицензии добывать), зимой — заяц, белка, куница...

Не женился, хотя «подруги» были. «Я одинокий волчара», — сам о себе говорил. С сестрой не дружил, редко виделись. В деревне тоже очень редко бывал...

Но когда сестра решила дом продавать (дом на неё был записан), купил у неё (родной дом купил!). Захотелось поближе быть к лесу и охоте...

Весной приехал — вспахал и засадил огород, летом подладил дом, осенью окончательно переехал (впрочем, однокомнатное логово за собой в городе оставил). С покупателем пушники он давно уже был знаком, знал, что на жизнь себе заработает.

И снова этот вой. И Волохов застонал-завыл — от одиночества, от понимания, что жизнь его мимо... Мимо счастья... Мимо любви...

Он схватил ружьё, сунул в карманы патроны с пулями, вставляя на ходу патроны в стволы, выбежал. Собаку не стал звать, один пошёл за ограду и сразу увидел его — в лунном свете, подняв морду, воеет...

Волохов выстрелил, но волк даже не шевельнулся. «Ах ты... Ах ты...» Волохов подошёл ближе, прицелился, выстрелил... Волк вздрогнул, присел, но тут же поднялся и небыстро, прихрамывая, побежал к лесу. Волохов вышвырнул горячие гильзы, вставил новые патроны и по насту пошёл за волком, по кровавому следу. Снова выстрелил, увидел, как опять упал волк. Но поднялся и, вскинув морду, снова завыл... Волохов провалился по пояс, не стал выбираться на твёрдое, встал на колени, плотно вдавил приклад в плечо, поймал на мушку лобастую волчью голову...

Справа и слева обступали его неслышные серые тени...

Я шёл вечером домой через старый одичавший сад, неизвестно когда и кем насаженный... В темноте разглядел мечущиеся фигуры, услышал вскрики, стоны. Подбежал и увидел: двое бьют одного, жестоко, насмерть. Я вмешался, и они перекинулись на меня. Пинали долго. Я лишь прикрывал руками голову. Наверное, они решили, что убили меня, ушли.

Я открыл глаза и увидел над собой отвратительную физиономию. Бродяга, увидев, что я очнулся, оскалится, показывая чёрные корешки вместо зубов, прохрипел:

— Что ты лезешь? Себя защитит не можешь, а лезешь.

Дикая сила подкинула меня, и я ударил. Он зажал лицо грязными ладонями и побежал, припадая на левую ногу.

Утром следующего дня узнал от соседей, что в саду нашли мёртвого человека со следами побоев. (Впрочем, позже говорили, что умер он не от побоев, а от переохлаждения, замёрз.)

И никакой жалости, тем более раскаяния я не чувствую. Что мне дела до какого-то бомжа? Но зачем он приходит? Приходит зачем?!

Открывает запертую дверь, садится в углу и смотрит. И я смотрю. Знаю, что мираж, и боюсь встать, пройти в тот угол и убедиться, что это лишь тень от растущего за окном дерева... Я чётко вижу его насмешливые глаза.

...В соседнем доме покончил с собой молодой парень, говорят, от несчастной любви.

Я думаю, как он решился? Ходил, обдумывал, искал верёвку, место, где её привязать, потом ещё петлю надо сделать, на шею надеть... И всё это понимая, что сейчас будет боль и смерть... И даже страх не остановил его...

А меня что может остановить? Страх? Страх страха, боязнь боязни быть свободным. Страх покаяния! Смогу ли уже оттуда, с той стороны, взглянуть в свою жизнь? А?.. Все эти художественные догадки, все эти, опять же художественные, попытки рассказать, как душа уже оттуда сюда видит — это всё догадки и попытки, не более... А попробуй-ка здесь и сейчас, честно, шаг за шагом, кадр за кадром, проглядеть свою жизнь... Вот и оговорился, ошибся — «проглядеть». И ведь прогляжу, то есть забуду. «Как бы забуду». Ага! Ведь и такое есть, в чём не то что исповедаться, о чём и вспомнить-то нельзя... Нет — можно. И нужно! Честно, шаг за шагом. Здесь и сейчас. Чтобы, может быть, не было мучительно больно там. «Не бойся», — говорю сам себе... Этот взгляд с иконы — он ведь оттуда!

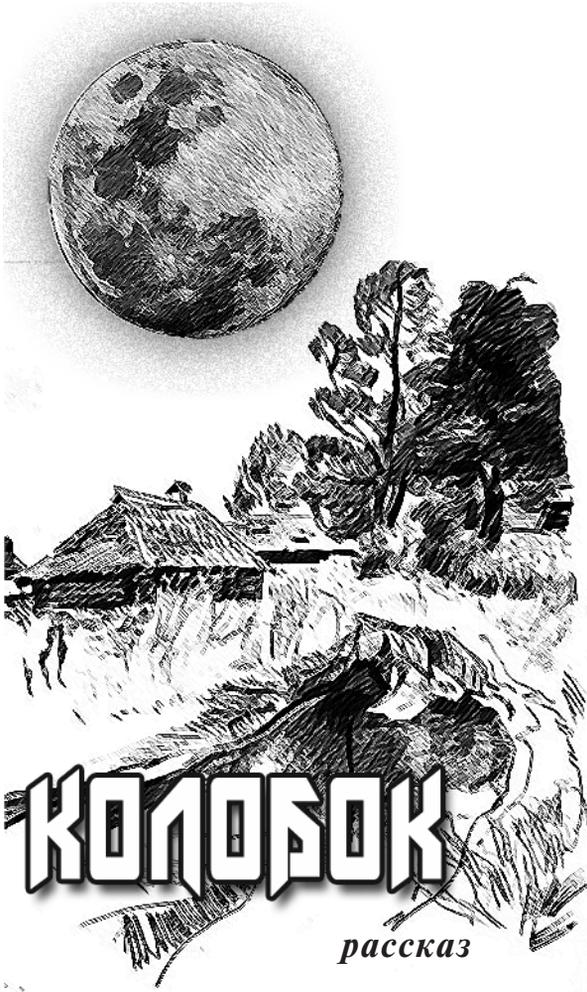
...Сегодня мне снился дикий сад. Сад, в котором я играл в детстве, в котором лежал на мягкой душистой траве с раскрытой книгой в руках, сад, в котором я молился. В том саду росли корявые яблони, родящие мелкие кислые плоды, кусты сирени, шиповника, берёза с чёрным страшным дуплом...

Во сне ветви яблонь клонились под тяжестью медово-прозрачных плодов. Травы ласково стелились под ноги, птицы щебетали в листве. Я подошёл к старой берёзе и увидел того бродягу. Я испугался, но, понимая, что это сон, спросил его:

— Ты кто?

Он усмехнулся.

— Садовник. — И протянул мне яблоко.

Отец привёз Серёжу на весенние каникулы в деревню к своим родителям, Серёжиным дедушке и бабушке.

После обниманий и возгласов «как вырос», «совсем большой» сидели в комнате за столом. От печки пахло дымком, сладкие ватрушки бабушкиной выпечки были тёплые и просто таяли во рту.

Но Серёжа уже глядел за окно: там, на воле, всё течёт, солнечно сверкает...

Отец вытащил из подполья мешок картошки. Бабушка подаёт ему какие-то банки...

— Мама, да мы ещё с того раза не съели... — отбивается отец.

— Бери, бери, лишним не будет, — наваливает бабушка.

Дед курит, выдувая дым в приоткрытую

дверцу железной печурки, соединённой колчатым трубаком с большой белой печкой, на которую вечером Серёжа обязательно залезет. Но сейчас ему уже хочется повидаться с деревенским своим дружком Вовкой.

Отец уносит мешок с картошкой на улицу, в окно видно, как он загружает его в багажник «Запорожца». Возвращается в дом.

— Ну, давай, Серёга, слушайся бабушку и дед, — треплет по голове.

Серёже, конечно, жалко прощаться с папой, но... Он думает о том, как бы ему поскорее встретиться с другом...

...Когда отец уезжает и бабушка возвращается с крыльца в избу, дед говорит Серёже:

— Ну, чего, Серёга, сапоги обувай да беги к Вовке...

— Да куда по лужам-то... — пытается возразить бабушка.

— Нечего парню дома сидеть, — обрывает её дед.

— На вот, — смирившись, говорит бабушка и достаёт из ящика комода новые вязаные тёплые носки.

И вскоре Серёжа бежит по улице, перепрыгивая через солнечные лужи, через разъезженные чёрные тракторные колеи, полные жидкой грязью. Синий трактор с большими колёсами и телегой стоит у соседнего дома. Там живёт весёлый рыжий тракторист Василий со старой матерью...

А и всего-то в деревне пять домов. С одного конца крайний — дом Серёжиных бабушки и дедушки, с другого конца деревни дом, в котором живёт Вовка.

Вон уже и видно этот дом, с разболтанной изгородью, с распахнутой на кривое крыльцо дверью... И семья такая же — отец Вовки то вроде бы работает в совхозе, то куда-то пропадает на недели и месяцы, мать давно уже умерла, старшая сестра замужем в городе, старший брат сидит в тюрьме, а Вовка, как и Серёжа, учится в пятом классе и ходит в школу в село за шесть километров. В прошлом году в их доме ещё появилась какая-то слепая старуха, дальняя родственница, привезли из другой деревни. Серёжа её боится — она похожа на Бабу Ягу.

Он взбегает на крыльцо, нарочито громко топая, и сразу кричит:

— Вовка, это я!

— Привет, Серёжа! — отзывается друг.

Они немного посидели в избе, в которую можно было заходить не разуваясь, только пошаркав подошвами о старый голик у двери. Печка давно не белённая, но недавно топленная, дышащая теплом. Там наверху — старуха. Она не подала голоса, и Серёжа не поздоровался.

Вовка с гордостью показал свой школьный дневник, в котором были даже и двойки за четверть, и лихо бросил его в угол.

...На улице они долго пускали ручьи, прорывая каналы от одной лужи к другой... Потом Вовка сказал: «Пошли в шолом».

Так назывался высокий сарай за деревней, уже полуразвалившийся, в котором раньше, как говорил Серёже дедушка, сушили зерно, а теперь лежали сваленные в кучу белые мешки с химическими удобрениями.

Летом Вовка и Серёжа устраивали в этом сарае «базу»... Сидели там, болтали, Вовка курил и давал попробовать Серёже, представляли себя то разведчиками и тогда тайком пробирались с «базы» в деревню и зачем-то следили за трактористом Василием... Или же представляли себя охотниками и отправлялись с «базы» через поле в лес... Развлекались, в общем, как могли — больше их ровесников в деревне не было.

Зачем они попёрлись в «шолом» сейчас по нарастающей ещё снеговой целине, оба не знали. Метров триста, проваливаясь по колени и выше в снег... В сарае неприятно пахло химией от подмокших мешков с удобрениями, было сыро и неудобно. Вовка достал из-за козырька драной своей ушанки папиросу, из кармана болоньевой курточки коробок и лихо закурил.

— Будешь? — протянул папиросу Серёже, держа за мундштук чёрными пальцами.

— Не, я бросил, — ответил Серёжа... Он смотрел на домики деревни, на дымок над крышей своего дома, и ему уже хотелось туда.

Солнышко опускалось к лесу.

— Ну, пошли! — скомандовал Вовка и снова пошёл по снежному полю, стараясь попадать в свои следы. Были на нём тоже резиновые сапоги...

Серёжа брёл за ним, опускал ноги в глубокие следы, и шершавый снег забивался за голенища...

Вовка быстро бежал (замёрз, наверное).

— Вовка, подожди! — окликнул его Серёжа, но он не остановился, махнул только:

— Давай шевелись!

А Серёжа всё с большим трудом доставал из снега отяжелелые ноги, в сапоги уже туго набился снег. Несколько раз Серёжа падал, выставляя вперёд руки в мокрых рукавицах, и снег ожигал запястья и набивался в рукава куртки.

И казалось, что никогда он не дойдёт до Вовкиного дома. Он уже и песню вспомнил про то, как «в степи глухой замерзал ямщик».

Когда он всё-таки ввалился в распахнутую избу, Вовка как ни в чём не бывало сидел за столом и пил из мутного стакана чай.

— Ну, где ты есть?

— Я... Тут я, — сказал Серёжа, садясь на лавку, и вдруг тихонько заплакал.

— Ты чего?

— Ноги, пальцы не чувствую...

— Кто там? — раздался голос с печки.

— Это я, Серёжа.

Вовка испуганно молчал.

— Снимай обувь и лезь сюда, — проскрипел голос, и Серёжа молча стянул один сапог, второй, снег вываливался и таял на щелястом грязном полу. Кое-как он подошёл к печке и по ступенькам поднялся наверх.

Старуха лежала у дальнего края печки.

— Сядь.

Он сел. Она незряче протянула руки, нащупала его ноги, сама стянула мокрые носки и положила их на кирпичи, а стопы взяла в руки и сначала держала в ладонях, чуть поглаживая костистыми пальцами, потом поставила их не на кирпичи, а на подобие матраца, продолжала оглаживать.

Серёжа поскуливал от боли.

— Вовка, дай парню чая, — проскрипела старуха, и Вовка подал тот же стакан, из которого пил сам, с тёплым и сладким чаем.

Боль в стопах проходила, пальцы уже чувствовали тепло... Но слёзы ещё текли по щекам.

Серёжа, скрючившись, сидел рядом со старухой, она лежала на боку.

Вовка подсел на ступеньку печки.

— Ты бабушке своей только не говори, — сказал он.

Серёжа не ответил. А старуха вдруг сказала:

— Слушайте сказку, горемыки... — И начала сразу: — Жили дед с бабой. И стал дед помирать. Лежит на лавке, видит, как солнышко в окне катится. Встать не может. Досадно ему. Говорит бабке: «Испеки мне, бабка, колобка». — «Да почто тебе?» — «Пеки!» Бабка по сусеку поскребла, набрала мучки, замесила тесто. Дед не умирает, ждёт. А уж ночь настёт. Выходило тесто. Слепила баба колоб, в печь отправила. Получился колоб румяный, горячий. Положила баба его на окно остывать. И будто бы светлее стало в избе-ти! Это колоб так светился!

— А чего он светился-то? — перебил тут старуху Вовка.

— Так горячий! — ответила старуха и дальше сказала: — Как колоб-то остыл — старик и помер. А колоб выкатился с окна во двор, покатился по земле да и пропал...

— Так его же лиса съела! — опять Вовка вмешался.

— Про это не знаю, — ответила старуха. И непонятно было, то ли смеётся она, то ли и правда не знает всем известную сказку...

— А как деда и бабу звали? — спросил вдруг Серёжа.

Старуха помолчала и ответила:

— Так, поди-ка, Адам и Ева...

На крыльце послышались шаги, и в избу сердито вошёл Серёжин дедушка...

Когда они шли по деревне, по полевой дороге с утробным гулом, вышаривая путь фарами, ехал куда-то трактор.

— Вот Ваське не спится-то! — усмехался уже подобревший дедушка. — Дело молодое... — говорил ещё, выпуская из обметанного усами и бородой рта сигаретный дым...

...Тридцать лет прошло, не меньше. Сергей остановил машину прямо на дороге, в зарастающем мелколесьем поле... Нет деревни, ни одного дома... И никого, кто жил в тех домах... И только катится по небу вечный колобок...

□

Дмитрий Анатольевич ЕРМАКОВ

родился в 1969 году в Вологде.

Член Союза писателей России.

Автор нескольких книг — рассказы, повести, романы.

Лауреат Всероссийского конкурса им. В.Шукшина «Светлые души»,

Международного конкурса детской литературы им. А. Толстого,

международной литературной премии «Югра».

Публиковался в журналах «Наш современник»,

«Подъём», «Москва» и других.

Живёт в Вологде.

В журнале «Север» публикуется с 2003 года.

